

C. STEEL. The End of the Roman Republic, 146 to 44 BC: Conquest and Crisis. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. XII, 284 p.

В последнее время вышло немало обобщающих работ по истории Поздней Римской республики¹, которая несмотря на значительную степень изученности содержит немало вопросов, требующих исследования или пересмотра как на концептуальном, так и на конкретном уровне. Свое видение кризиса Республики предложила и профессор университета Глазго Кэтрин Стил.

Автор полагает, что разрушение Карфагена и Коринфа — лишь эпилог к «Полибиеву» полустолетию 220–167 гг. до н.э., когда Рим стал хозяином Средиземноморья. Впрочем, очевидна и условность этой даты — в Испании война продолжалась еще более 10 лет. Испанская проблема усугубилась из-за восстания рабов на Сицилии, куда впервые после Третьей Пунической войны был отправлен командовать консул, — показатель более чем красноречивый (с. 13–14). К еще более тяжелому кризису привел трибунат Тиберия Гракха. К. Стил склонна вслед за Н. Розенштейном скептически оценивать рассуждения о падении численности граждан, разорении крестьян из-за войн и конкуренции с рабовладельческими хозяйствами и т.д. — просто многие уклонялись от прохождения ценза, чтобы не участвовать в тяжелых испанских войнах; длительное отсутствие сыновей-солдат мешало накапливать излишки; сельское население росло и беднело (с. 57–58). Строго говоря, это не противоречит традиционной картине, а лишь по-иному объясняет причины отнюдь не выдуманных трудностей.

Однако не столько законодательная деятельность, сколько умерщвление Тиберия, по мнению Стил, превратили его трибунат в переломный момент. «Смерть Гракха, убитого группой под предводительством верховного жреца (*pontifex maximus*) вопреки мнению консула, оказалась сильнейшим ударом по законности и единству правящего класса» (с. 19). Рассматривая деятельность Гая Гракха (с. 22–26), автор относит большинство его законов к 123 г., отмечая, что, несмотря на гибель инициатора, они остались в силе. Стил полагает, что в основном деятельность трибуна была направлена не на раздачу земли конкретным поселенцам, а на вывод колоний². Что касается хлебного закона, то его отмена (при Сулле) и принятие заново (в 70-е годы) служили показателем влияния народа. По традиции автор указывает на сходство между гибелью Тиберия и Гая, но упускает при этом важное обстоятельство — первый на момент убийства был плебейским трибуном, что делает его умерщвление особенно нетерпимым с точки зрения *fas* и *ius*, тогда как второй уже сложил полномочия.

К. Стил отмечает любопытную особенность политики конца II в. — рост контроля над религиозной сферой со стороны народа: под его давлением были в 113 г. осуждены и казнены две весталки, а закон Педуция лишил великого понтифика полномочий в отношении коллегии весталок. Автор объясняет это не столько желанием народа расширить свою власть, сколько его опасениями, вызванными неспособностью элиты контролировать поведение весталок (с. 27–28).

Народ начал вторгаться и в сферу внешней политики, примером чего стали Югуртинская и Кимврская войны, когда была создана *quaestio Mamilia*, Марий назначен командующим в Африке вопреки решению сената, а комиции регулярно переизбирали его консулом, игнорируя традиционное право *patres* на продление империя. Сам же Марий «занимал теперь выдающееся положение, не имевшее аналогов со времен Сципиона Эмилиана, который отнюдь не случайно был [до той поры] последним человеком, дважды отпраздновавшим триумф. Подобно Эмилиану, Марий добился [такого] положения благодаря поддержке народа, который пренебрег образцами традиционной политической карьеры» (с. 31). Во многом эта поддержка являлась результатом союза с Сатурнином, который вполне сознательно действовал в духе Гая Гракха — хлебный и аграрный законы, вывод колоний, — правда, в последнем случае речь шла о законе *ad hominem*, имевшем в виду ветеранов Мария; при этом Сатурнин не попытался повторить попытку предшественника наделить италийцев правами гражданства, однако это не спасло его от гибели (с. 32–34). По мнению Стил, причиной гибели Сатурнина, как и Гракхов, стало не столько их

¹ Bringmann 2003; Linke 2005; Mackay 2009; Alston 2015.

² Думается, *только* на вывод колоний (см. Lapyrionok 2012, 65–66, 100–102).

законодательство, сколько попытка удержать власть (с. 61). Однако очевидно, что такая попытка вызвала особое недовольство правящих кругов именно в связи с законами, которые инициировали эти трибуны.

Все эти события свидетельствуют о значительных переменах в римской политике. Заметно выросла роль народа, чему способствовало введение тайного голосования. В то же время роль комиций ограничивалась тем, что собирать их могли лишь магистраты, голосование происходило не «по головам», а по трибам или центуриям, и т.д. При этом сенат усиливал свой контроль над магистратами благодаря постоянным судебным комиссиям, а полулегальный метод борьбы со «смутьянами», *senatus consultum ultimum*, был среди прочего и свидетельством нежелания вводить диктатуру. Еще одно важное изменение — возникновение в результате законов Гая Гракха всадничества как особой группы с собственными целями, хотя Стил допускает, что Гракх вовсе не имел в виду подобного результата. Появилась трехчастная модель: сенат — всадники — народ. При этом нежелание сенаторов подвергаться суду всадников породило просчеты, приведшие к Союзнической войне (с. 49–61). Стил полагает, что Друза больше всего заботил вопрос именно о судах (хотя, по ее мнению, он мог предлагать смешанный их состав). Но когда из-за смерти Красса и недовольства этрусков и умбров его земельным законом позиции трибуна пошатнулись, он задумал проект о даровании гражданских прав италийцам, чтобы добиться их поддержки. Однако Стил, как и некоторые другие ученые, не считает, что вопрос о гражданстве был главным — превращение в *cives Romani* вело к нивелированию италийских народностей, лишая их собственной идентичности и более престижного положения объекта внешней, а не внутренней политики Рима; *lex Licinia Mucia* 95 г. об изгнании из Рима италийцев, присвоивших себе *ius Romanum*, возможно, был лишь ответом на просьбу верхушки италийских городов вернуть на родину тех, кто уклонялся от налогов и набора в армию. «Союзническая война произошла потому, что римские союзники были крайне не удовлетворены характером своих отношений с Римом. Однако распространение римского гражданства на них всех и превращение италийских дел из иностранных во внутренние не являлись очевидным решением вопроса» (с. 35–41, 76–79). Вслед за Х. Моритсеном К. Стил считает, что современникам не были ясны причины *bellum sociale*, а потому не стоит усматривать их в провале проекта Друза (с. 83, прим. 13). Однако в источниках нигде не говорится, будто италийцы дорожили своей идентичностью и статусом иностранных общин. Кроме того, Стил сама признает, что в ходе Союзнической войны римляне пошли на дарование гражданства именно ради умиротворения италийцев (см. ниже), что свидетельствует об их крайней заинтересованности в *ius Romanum*. Думается, что со своим италийским проектом Друз не торопился по другой причине — многие италийские землевладельцы действительно страдали от его аграрного закона, римское же гражданство могло избавить их от земельных разделов, а потому, возможно, трибун решил подождать до их окончания. Что же касается взгляда современников на причины войны, то у нас осталось слишком мало свидетельств, чтобы судить об этом. Разумеется, сам по себе провал замысла Друза был лишь последней каплей, своего рода *πρόφασις*, но характерно, что этой каплей стал именно он.

Признавая, что в Риме не существовало политических партий в современном смысле, Стил в то же время принимает термины «оптиматы» и «популяры», об оптиматах упоминая, впрочем, крайне редко. Она признает, что «фракции» популяров не существовало, но были трибуны-популяры. Исследовательница указывает, что необходимо различать «идейных» популяров и популяров-карьеристов, и отмечает запутанность популярской политики, приводя в пример процесс Норбана, обвинявшегося в 95 г. в применении насилия, в том числе за нападение в бытность трибуном в 103 г. на двух других трибунов во время суда над Цепионом. Защищал Норбана М. Антоний, хотя во время своего консулата в 99 г. боролся против трибуна-популяра, а обвинитель Сульпиций сам в 88 г. стал популяром (с. 55–59). Стоит также заметить, что применительно к тому времени существование термина *popularis* в политическом значении надежно не зафиксировано, и это побуждает к еще большей осторожности.

Когда началась Союзническая война, то, по мнению Стил, перевес Рима в силах был налицо, а потому повстанцы больше рассчитывали на поддержку внутри самого Рима — возможно, от тех, кого судил первый состав *quaestio Varia*, прежде всего М. Скавра. Тем не менее ситуация была для Рима критическая, италийцы захватывали анклав, жители которых сохраняли верность Риму, впервые после 203 г. (!) оба консула отправились на театр военных действий. Впервые стали брать в армию либертинов. *Lex Iulia*, призванный предотвратить рост движения, свидетельствовал о перемене в римской политике (это, заметим еще раз, опровергает версию о не первостепенном характере вопроса о гражданстве). Однако распределения новых граждан по трибам во время цензуры 89 г. не произошло (с. 80–87).

Параллельно разразился кризис на Востоке. Вслед за Р. Кэллет-Марксом К. Стил отвергает версию Аппиана о натравливании римлянами Никомеда на Митридата как *casus belli*: источником Аппиана был, видимо, весьма пристрастный Рутилий Руф, обличавший политику Рима в провинциях, да и вряд ли римляне желали конфликта, когда шла тяжелейшая война в Италии. Можно говорить лишь об их ошибочных расчетах на то, что царь Понта уступит силе Рима. В итоге впервые за 40 лет римлянам пришлось посылать легионы в Азию. Война с Митридатом спровоцировала новый кризис в самом Риме, став поводом для борьбы между Суллой и Марием. Сулпиций, выступивший за передачу командования на Востоке арпинату, заключил с ним союз не сразу, а лишь когда понял, что не может рассчитывать на поддержку консулов Суллы и Помпея Руфа. Назначение *homo privatus*, каковым являлся Марий, имело прецеденты, но очень давние: последний раз это произошло в случае со Сципионом (будущим Африканским). Лишение империя бывало и раньше, хотя крайне редко и в ответ на неудачные действия военачальников³, здесь же оно произошло, чего прежде не случалось, еще до начала кампании. Ответом стал марш Суллы на Рим (античные авторы описывают его в терминах войны с внешним врагом), знаменовавший начало *bellum civile*. После отбытия его на Восток гражданская война возобновилась, в результате чего пришли к власти Цинна и Марий, уже в начале 86 г. умерший. Радикальной перемены времени циннанского режима Стил считает контроль над консульскими выборами, однако сенат во многом сохранял самостоятельность. Кроме того, союзники были наконец распределены по 35 трибам⁴, причем делалось это с учетом позиции тех или иных общин во время Союзнической войны. Циннанцы также много сделали для стабилизации финансовой системы. Однако им не удалось дать отпор Сулле, который отверг попытки переговоров даже со стороны более лояльного ему сената (с. 87–107).

Сулла постарался восстановить «нормальное» положение дел, которое означало наряду с возвращением к *status quo ante* глубокие социально-политические перемены. В рамках сулланской системы оказались ослаблены и магистраты, контроль над которыми со стороны сената усилился, и сам сенат, пострадавший от проскрипций, лишившийся принцепса и «разбавленный» выдвиженцами диктатора, далеко не всегда годными для государственной деятельности, и, наконец, гражданский коллектив в целом, если учесть принижение всадников и плебейских трибунов. 88–78 гг. стали временем трех экспериментов с властью: перемены, произведенные Суллой в 88 г.; консулаты Цинны и Карбона; диктатура Суллы. В первом случае речь шла лишь о закреплении за Суллой командования на Востоке; во втором – о стремлении Цинны и Карбона удержать власть путем сохранения за собой консулата; в третьем же давно не вводившаяся диктатура была использована для обеспечения легального базиса военной автократии (с. 107–131).

Параллельно шел начавшийся в результате *bellum sociale* процесс перемен в многократно увеличившемся римском гражданском коллективе. Люди, совсем недавно сражавшиеся друг против друга на полях Союзнической войны, могли теперь служить в одних легионах. Появилось еще больше граждан, о присутствии которых в Риме для участия в политической деятельности не могло быть и речи, проблема состояла скорее в их интеграции в организационные структуры *res publica*. Потребовалось не меньше столетия для вхождения италийцев в политическую элиту Рима. Примерно за тот же срок вышли из употребления местные языки. Все большее развитие получала идея Италии, включавшей в себя Рим, а не отторгавшей его. Тем не менее еще не одно десятилетие давало о себе знать недовольство многих италийцев послесулланским *status quo*, примеры чего явили мятеж Лепида, восстание Спартака, движение Манлия – Катилины, волнения в округе Фурий, в которых участвовало (или даже играло главенствующую роль) немало жителей Италии (с. 131–133). Что же касается провинций, то Сулла показал себя новатором, впервые в широких масштабах применив политику кнута и пряника в отношении городов Малой Азии. В ходе гражданской войны и после нее значимость провинций осознали многие участники внутреннего конфликта (ярчайший пример – Серторий). Это обстоятельство оказало в дальнейшем сильное влияние на «механику римского империализма» (с. 137–138).

Как только в 70–69 гг. были полностью восстановлены права плебейских трибунов, произошел всплеск трибунского законодательства. В начале 60-х годов были приняты *lex Gabinia*, *lex Manilia*, *lex Cornelia*, народ вновь нарушил монополию сената на ведение внешней политики и назначение военачальников. Вручение командования Помпею, *homo privatus*, означало

³ При этом Стил называет Метелла Нумидийского и Сервилия Цепиона (с. 93), однако в первом случае можно говорить не столько о неудаче, сколько о затягивании войны, что не одно и то же.

⁴ Точнее говорить о 31 трибе, так как городские трибы из этого процесса исключались (Beloch 1880, 37, 41; Taylor 1960, 106–107; Bispham 2007, 194).

недоверие действующим магистратам. Наконец, lex Gabinia продемонстрировал, что только народ обладает правом освобождать кого бы то ни было от действия закона. Еще одним примером демонстрации власти народа стал процесс Рабирия — *senatus consultum ultimum* в качестве юридического обоснования его действий отвергался (с. 140–149, 155).

Крупнейшим кризисом стал заговор Катилины, переросший в восстание. Это стало возможным из-за вызванного экономическими причинами недовольства, а также надежд на временный характер сулланской системы. Не воодушевлял ли заговорщиков и пример значительных успехов Спартака? На сей раз у сената, могли думать катилинарии, не окажется сил для их разгрома. Свою роль сыграло и ожидание возвращения Помпея (с. 155–159).

Это возвращение стало еще одной крупной политической проблемой. Видимо, в пользу Помпея и его ветеранов был направлен проект Сервилия Рулла (с. 155). Метелл Непот предложил поручить победителю Митридата борьбу с Катилиной, чем лишь ослабил позиции Помпея. Полководец поначалу не захотел присоединяться к народному движению во главе с трибунами, но, столкнувшись с сопротивлением сената, оказался вынужден прибегнуть к методам популяров, что имело разрушительные последствия для римской политической системы (с. 155–161).

Итогом стал союз Помпея, Красса и Цезаря (первым триумвиратом автор его не называет) и консулат последнего. По мнению Стил, после Суллы столь активная законодательная деятельность консула уже не была внове, другое дело, что он действовал в обход коллеги, а затем и сената, пользуясь популярскими методами. Стоило бы уточнить, что и пример самого Суллы был беспрецедентным, а что до методов популяров, то он и сам их не чуждался, оформив проскрипции решением комиций без учета мнения сената (с. 163–165)⁵.

Однако возвышение Клодия, который, хотя и пользовался поддержкой триумвиров, стал действовать как самостоятельная фигура, изменило ситуацию. Дошло до того, что Помпею и Крассу пришлось на год отложить переизбрание в консулы. 53 и 52 годы вообще начались без консулов. Выборы стали барометром политического хаоса, во многом обусловленного ростом насилия со стороны как Клодия, так и его противников. Кульминации он достиг в январе 52 г., когда люди Милона убили Клодия. В условиях беспорядков консулом без коллеги с нарушением установленного интервала был избран Помпей. Это подрывало принцип коллегиальности, но зато открыло путь широкой коалиции в сенате. С помощью войск Помпей подворил спокойствие в Риме и восстановил порядок с занятием должностей, но он ничего не мог поделать с усилением Цезаря. Уже дважды складывалась подобная ситуация — в 83 и 61 гг., однако Цезарь хотел не похода на Рим, как Сулла, или роспуска армии безо всяких условий, как Помпей, а третьего пути — заочного избрания. Помпей не желал ссориться с ним, поскольку гражданская война угрожала его собственным позициям, и сделал для него исключение в lex Pompeia de iure magistratuum, тем более что сам он, как остроумно замечает Стил, «был [сплошным] исключением» (с. 187). В то же время поправка относительно Цезаря значительно выиграла бы, если бы была частью закона, а не дополнением к нему⁶. Автор существенно корректирует толкование текста письма Целия Цицерону, где говорится о том, что у Помпея с Цезарем *negotium* (Cic. Fam. VIII. 8. 9), под которым обычно понимают «трения» (так и в переводе В. О. Горенштейна), но оно вполне может иметь и положительный смысл, а именно «договоренность», т.е. в Риме считали, что Помпей держит ситуацию под контролем. Весьма интересна и трактовка деятельности Г. Куриона. Стил обращает внимание на то, что если другие античные авторы говорят о подкупе Куриона Цезарем, то в переписке Цицерона и Целия об этом ни слова: скорее всего трибун исходил из собственных расчетов. Стоит сравнить Куриона с Клодием, на чьей вдове Курион, кстати, был женат: использование популярской программы и стремление помешать сотрудничеству Цезаря и Помпея, хотя позднее Курион все же занял сторону Цезаря. Стил также придает важное значение тому, что Цезарь не выдвинул свою кандидатуру летом 50 г. «Это было поворотное решение, из-за которого он впервые прямо пошел против политической позиции Помпея. Оно показало, что *ratio absentis* не может служить средством вновь интегрировать его в римскую политическую жизнь» (с. 193). И хотя 370 сенаторов против 22 проголосовало за роспуск армий и Цезарем, и Помпеем, соглашение было сорвано врагами первого, после чего гражданская война стала неизбежной (с. 182–195).

В ходе *bellum civile* и тем более после нее Цезарь и его сторонники, что вполне естественно, начали нарушать традиционный порядок как *de facto*, так и *de iure*. Консулы 47 г. были избраны лишь в конце года, а в 46 г. консулами стали вопреки закону два патриция — Цезарь и Лепид. Тогда же Цезарь стал диктатором на 10 лет, а в 44 г. — *dictator perpetuus*. Он совместил посты

⁵ См. убедительную реконструкцию Ф. Инара: Hinard 1985, 108–109.

⁶ Юридически эта поправка вообще не имела силы, не будучи утверждена ни сенатом, ни комициями (Seager 2002, 139).

великого понтифика и авгура, а незадолго до смерти отрешил от должности двух плебейских трибунов. В сенат стали вводиться не только италийцы, но и уроженцы провинций. Выборы фактически были отменены, что по сути дела положило конец *res publica*. Но насколько далеко Цезарь собирался зайти в отношении единоличной власти, неясно. По мнению Стиля, которое представляется вполне резонным, толчком к убийству диктатора стал его близившийся отъезд на войну с Парфией (с. 206–210).

В то же время Цезарь не провел крупных структурных изменений в управлении, используя прежние должности и лишь увеличив их число. Он создал систему, в которой занимал исключительное место и с которой мог справиться только сам, и его гибель привела к новому этапу борьбы, имевшей разрушительные последствия (с. 252–253).

Особое внимание автор обращает на последний этап внешнеполитической экспансии Римской республики. Все чаще стало практиковаться прямое присоединение покоренных земель, причем аннексия царства Селевкидов привела к прямому соприкосновению с Парфией, в результате чего римское наступление на Восток остановилось. Карры стали первой катастрофой такого масштаба после Араузиона. В то же время Египет формально сохранял независимость, поскольку финансовые операции там (прежде всего займы царям) приносили огромные доходы многим влиятельным римлянам.

Завоевания Помпея и Цезаря вызвали немало нападков, которые были порождены как завистью, так и возросшей самостоятельностью полководцев в деле расширения границ империи. Само это расширение привело к тому, что начали возникать центры власти за пределами Италии, каковыми стали Испания при Сертории или различные области Средиземноморья под властью помпеянцев в 49–45 гг. (с. 211–225).

Обращает внимание Стиль и на культурное развитие в период Поздней республики. Именно на последние ее десятилетия приходится всплеск литературной активности, которая охватила едва ли не весь правящий слой, благодаря чему мы неплохо осведомлены о событиях тех лет из первых рук. Практически вся проза затрагивала общественно-политическую тематику, благо она создавалась либо сенаторами, либо лицами, с ними связанными. Соответствующие темы нашли отражение и в поэзии, если вспомнить стихи Катуллы, Цицерона и даже Лукреция, который осуждал политическую практику элиты. При этом в ее рядах немало сторонников обрело эпикурейство, причем римские эпикурейцы вопреки доктрине основателя этой школы оставались политически активными (с. 227–235).

К. Стиль предлагает интересные наблюдения в связи с карьерой Помпея, чья деятельность, по его мнению, помешала нобилитету сыграть ту роль, которую отвел ему Сулла. Вся эта карьера — нарушение традиций. Помпей стал консулом, не быв даже квестором, а его империй почти не зависел от занятия магистратур — из пяти случаев получения им империя лишь раз он обладал им благодаря консулату. Каждый новый этап карьеры все дальше отодвигал Помпея от традиционной соревновательной модели. Зато те, кто следовал по ступеням *cursus honorum*, имели все меньше возможностей обрести военную славу: преторам проконсульский империй давали преимущественно в мирных областях, да и победоносным полководцам не так легко было теперь получить триумф — достаточно вспомнить Цезаря, который отказался от него ради консулата, последний же преторский триумф (Г. Помптин) состоялся в 54 г. после 15-летнего перерыва. Зато в этих условиях возросла роль легатов. По закону Габиния у Помпея их стало сразу 15, из них 4 будущих консула, а из 22 консулов 65–56 гг. 7 являлись в разное время его легатами. Однако политических выгод от этого Помпей получил немного — так, оба консула 61 г. принадлежали к числу его бывших легатов, но один из них, Кв. Метелл Целер, активно выступал против утверждения решений Помпея на Востоке, а другой, Л. Афраний, не смог ему помешать. В отличие от Помпея, Цезарь не столь активно помогал своим легатам в Галлии делать карьеру (с. 236–248).

В заключение автор рассматривает роль народа, которая в последние десятилетия Республики была достаточно велика. Она состояла в осуществлении выбора в рамках установленных границ. Послесулланский эксперимент 70-х годов привел к неожиданным последствиям: игнорируя народ как участника политического процесса, наследники диктатора дали возможность обрести его поддержку своим оппонентам. Правление сената не вызывало симпатий из-за его неспособности справиться с различными проблемами, будь то нехватка зерна или коррупция. Конфликт между народом и элитой не был новостью, однако в послесулланские годы острота его стала резко нарастать. Этому способствовало хотя бы то, что в соответствии с законами Суллы консулы оставались в Риме и чаще противостояли трибунам (*imperium* против *sacrosanctitas*). Народ осознавал свои права, которые продолжали грубо нарушаться сенатом и магистратами и после частичного демонтажа сулланской системы в 70 г. Накал борьбы выразился в увеличении роли

насилия, которое стало эффективным, да и безнаказанным средством в борьбе между представителями элиты. После убийства Клодия насилию в Риме был положен конец (уточним: до начала *bellum civile*), однако это затишье оказалось лишь временным, и свою роль в развязывании гражданской войны оно сыграло.

Res publica, по мнению Стил, балансировала между двумя полюсами напряжения: 1) интересами отдельных представителей элиты и 2) гражданского коллектива в отношении богатей. В 80-х годах этот баланс оказался непоправимо нарушен, Сулла даже не пытался восстановить его, и вся внутриполитическая история Рима 80–50 гг. являла собой серию безуспешных попыток добиться согласия (с. 248–252). Однако этот тезис нуждается в серьезных уточнениях, так как гражданский коллектив не был единым, не говоря уже о том, что понятие «богачи» (*wealthy*) требует конкретизации.

Книга К. Стил представляет широкую панораму последнего столетия Республики, в ней содержится немало выводов и наблюдений как частного, так и концептуального характера. Далеко не со всеми, как мы видели, можно согласиться, некоторые тезисы недостаточно проработаны, встречаются и неточности⁷. Однако попытка проанализировать кризис Республики с позиций достижений современной науки, предпринятая исследовательницей, уже сама по себе вызывает интерес, тем более что она достаточно осторожна в оценках, многие ее тезисы весьма интересны, а спорные суждения могут сыграть полезную «провоцирующую» роль. Отметим два концептуальных момента: 1) Стил не пытается сформулировать свое видение причин кризиса, охватившего Республику, говоря лишь о некоторых факторах, ему способствовавших; 2) автор постоянно оперирует понятиями «народ», «всадничество», «сенат» и даже, как уже говорилось, выделяет трехчленную модель, состоявшую из этих элементов. Но если в отношении сената представление как о чем-то консолидированном в целом оправданно (хотя и тут нужны оговорки, ибо интересы консуляров и рядовых сенаторов далеко не всегда совпадали), то о народе и всадничестве это едва ли можно сказать. Различные их группы поддерживали те или иные фракции политиков. И если бы автор более дифференцированно рассматривала позицию народа и всадников, книга, несомненно, выиграла бы еще больше.

Литература / References

- Alston, R. 2015: *Rome's Revolution. Death of the Republic and Birth of the Empire*. Oxford.
Beloch, K.J. 1880: *Der italische Bund unter Roms Hegemonie*. Leipzig.
Bringmann, K. 2003: *Krise und Ende der römischen Republik (133–42 v. Chr.)*. Berlin.
Bispham, E. 2007: *From Asculum to Actium. The Municipalization of Italy from the Social War to Augustus*. Oxford.
Hinard, F. 1985: *Les proscriptions de la Rome républicaine*. Rome.
Lapyrionok, R.V. 2012: *Der Kampf um die Lex Sempronia agraria. Vom Zensus 125/124 v. Chr. bis zum Agrarprogramm des Gaius Gracchus*. Bonn.
Linke, B. 2005: *Die römische Republik von den Gracchen bis Sulla*. Darmstadt.
Mackay, Ch.S. 2009: *The Breakdown of the Roman Republic: From Oligarchy to Empire*. Cambridge.
Seager, R. 2002: *Pompey the Great. A Political Biography*. Malden—Oxford.
Taylor, L.R. 1960: *The Voting Districts of the Roman Republic. The Thirty Five Urban and Rural Tribes*. Rome.

Anton V. Korolenkov,
Akademizdatcenter “Nauka”,
Moscow, Russia
sallust@list.ru

А.В. Короленков,
кандидат исторических наук,
Академиздатцентр «Наука»,
Москва, Россия

⁷ На с. 100 вслед за некоторыми учеными автор уверенно пишет, будто Метелл Пий владел провинцией Африка, однако в источниках таких сведений нет; на с. 104 Серторий без оговорок назван претором (распространенное утверждение), хотя в источниках об этом не говорится; на с. 136 сказано, будто *res publica* официально не отлучала от себя Суллу, хотя он был объявлен *hostis* (App. *BC*. I. 73. 340; 77. 351, etc.), и др.